

Ранние пифагорейцы и политическое развитие Греции в VI–IV вв. до н. э.*

В. В. Бровкин

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Для цитирования: *Бровкин В. В.* Ранние пифагорейцы и политическое развитие Греции в VI–IV вв. до н. э. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 2. С. 280–293. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.209>

В статье рассматривается вопрос о социально-исторической обусловленности политических представлений ранних пифагорейцев. Установлено, в философии ранних пифагорейцев нашли отражение такие традиционные полисные ценности, как политическая активность, патриотизм, коллективизм. Слабое проявление индивидуализма у пифагорейцев свидетельствует о существовании в их мировоззрении неразрывной связи между полисом и гражданином. Показано, что для пифагорейского образа жизни было характерно сочетание научно-философской деятельности и участия в государственных делах. Политические представления и образ жизни пифагорейцев были обусловлены расцветом полисной системы в VI–IV вв. до н. э. Стремление пифагорейцев к политической стабильности и умеренности было связано с представлением о большой опасности, исходящей от анархии и тирании. Страх перед беззаконием способствовал формированию у Пифагора и его последователей представления о безусловной значимости политической лояльности. Также установлено, что в политических предпочтениях ранних пифагорейцев проявились две тенденции — аристократическая и демократическая. Аристократическая тенденция проявилась в элитарном характере пифагорейского учения, в приверженности аристократическим добродетелям и недоверии к демократическим практикам. Демократическая тенденция была связана с представлением ранних пифагорейцев о равенстве как основе законов, справедливости и дружбы. Показано, что изменения в соотношении данных тенденций также были обусловлены социально-историческим развитием Греции в поздний архаический и классический периоды. Преобладание аристократической тенденции у Пифагора и его учеников было связано с господством аристократии в греческих полисах VI в. до н. э. Усиление демократической тенденции во взглядах Архита и, возможно, Лисиды было обусловлено стремительным развитием демократии в V–IV вв. до н. э.

Ключевые слова: ранние пифагорейцы, Пифагор, Лисид, Архит, политика, демократическая тенденция, аристократическая тенденция, полисные ценности.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о социально-исторической обусловленности политических представлений ранних пифагорейцев. В научной литературе уже давно сложилась точка зрения, согласно которой ранние пифагорейцы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00025 «Античные мистериальные культы и греческая философия: орфика, пифагореизм, герметика, платонизм».

представляли собой в первую очередь политическое сообщество (ἐταρεία). Однако по-прежнему остается открытым вопрос об их политических предпочтениях. В рамках традиционного подхода Пифагора и его последователей принято рассматривать в качестве сторонников древнегреческой аристократии. Как отмечает Э.Целлер, пифагорейские собрания в полисах нижней Италии «составляли центр аристократической партии: поэтому они стали непосредственным объектом яростных преследований» со стороны демократического движения [1, р. 357]. По мнению У.К. Ч. Гатри, «можно предположить, что аристократия, лидером которой был Пифагор, не только относилась к старому землевладельческому типу, но и была тесно связана с торговлей» [2, с. 329]. Приверженность аристократическим ценностям была характерна для всех пифагорейцев, за исключением Архита, который правил в демократическом Таренте [2, с. 556]. К.Ридвег полагает, что пифагорейская община являлась элитной аристократической группой, обладавшей большим политическим влиянием в Кротоне и других италийских полисах [3, р. 104]. При этом К.Ридвег и В.Буркерт обращают внимание на значительное расхождение источников в вопросе о политических взглядах Пифагора [3, р. 17–18; 4, р. 116–117]. В одних источниках в качестве пифагорейского идеала утверждается наследственная аристократия. Из других источников следует, что Пифагор был приверженцем аристократии нового типа, так называемой аристократии духа. На основании еще одних сообщений можно сделать вывод о демократических взглядах Пифагора. Экономическое процветание Кротона в 510–450 гг. до н.э. порождает версию об олигархической природе пифагорейского союза. Другие свидетельства могут подтолкнуть к мысли о наличии у Пифагора склонности к тирании. Кроме этого, существуют сведения, позволяющие усматривать во взглядах Пифагора стремление к дистанцированию от политики.

Согласно Л.Я. Жмудю, если «в течение всей первой половины V в. пифагорейцы оставались активными сторонниками аристократии», то после середины V в. их политические взгляды сместились в сторону умеренной демократии [5, с. 96–97]. Точки зрения об аполитичности Пифагора и его учеников придерживается П.Горман. По мнению исследователя, влияние Пифагора на общественно-политическую жизнь италийских полисов было весьма ограниченным: «Пифагорейская элита влияла на события своим примером, но не формировала группу давления внутри политического организма» [6, р. 131]. Стремление Пифагора к созерцательной жизни, как полагает П.Горман, свидетельствует о его принципиальном нежелании принимать участие в политической деятельности. Также «Пифагор не был сторонником аристократии или олигархии» [6, р. 131]. Представление о Пифагоре как стороннике аристократии появилось в постплатоновскую эпоху и стало результатом ошибочного мнения о заимствовании Платоном пифагорейских социально-политических идей. Как мы видим, в современной науке существует широкий спектр мнений по вопросу о политических предпочтениях ранних пифагорейцев. Мы предлагаем взглянуть на данный вопрос несколько с другой стороны. Речь идет о рассмотрении основных тенденций в пифагореизме в контексте политического развития Греции VI–IV вв. до н.э. С этой целью мы планируем решить две задачи. Во-первых, мы постараемся выявить основные тенденции в философии ранних пифагорейцев. Во-вторых, установить факторы политического развития Греции, оказавшие влияние на формирование этих тенденций.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении интересующего нас вопроса, — это многочисленные сообщения доксографов об активном участии ранних пифагорейцев в политической деятельности. Здесь мы сталкиваемся с первой тенденцией в пифагореизме, заслуживающей внимательного изучения. Как передает Стобей, пифагорейцы имели вполне определенное представление о том, чем должны заниматься граждане в разном возрасте: «...детей учить грамоте и прочим наукам, юношей приучать к обычаям и законам города; мужи должны посвящать себя делам и общественным обязанностям (литургиям)» [7, с. 494]. По мысли пифагорейцев, участие в общественной и политической жизни государства является важнейшей обязанностью граждан. Добровольное уклонение от участия в государственных делах пифагорейцы, судя по всему, не приветствовали. Отсутствие у пифагорейцев интереса к участию в государственных делах, как правило, было связано с их поражением в политической борьбе, изгнанием или бегством. Подтверждением активного участия ранних пифагорейцев в политической деятельности является волна антипифагорейских выступлений, прокатившаяся по полисам Великой Греции в V в. до н. э. Очевидно, что если бы пифагорейцы вели тихую философскую жизнь, не вмешиваясь в политику, наподобие эпикурейцев, то они не навлекли бы на себя все те бедствия, которые их постигли.

В то же время не стоит забывать о философской деятельности пифагорейцев. В классической греческой философии активно обсуждался вопрос о предпочтительном образе жизни. В частности, большое внимание этому вопросу уделял Аристотель. По его мнению, наиболее достойными являются деятельный (πολιτικός καὶ πρακτικός βίος) и созерцательный (θεωρητικός) образы жизни. Под деятельной жизнью Аристотель понимал участие в государственных делах. Под созерцательной жизнью — научно-философскую деятельность. Сам Аристотель отдавал предпочтение последнему. В случае с пифагорейцами данный вопрос решался несколько иначе. У нас нет оснований сомневаться в том, что у пифагорейцев имелся большой интерес к наукам и философии. Но, как мы показали выше, участие в общественно-политической жизни пифагорейцы рассматривали в качестве главной обязанности каждого гражданина. Можно предположить, что пифагорейцы были сторонниками такого образа жизни, который в равной степени допускал участие в политической и научно-философской деятельности. Данная версия находит подтверждение в источниках. Так, согласно Афиней, Архит «был одновременно государственным деятелем и философом» [7, с. 449]. А у Платона в «Тимее» говорится следующее: «Остается порода вашего [т. е. пифагорейского] склада, от природы и благодаря воспитанию одновременно причастная тому и другому [т. е. философии и политике]» [7, с. 460].

В пользу версии о предпочтении пифагорейцами смешанного образа жизни можно привести еще один аргумент. Согласно источникам, последователи Пифагора разделились на два течения — акусматиков (ἀκουματικοί) и математиков (μαθηματικός). По мнению Л. Я. Жмудя, «представление об “акусматиках” и “математиках” относится к периоду империи» [5, с. 131]. Однако если предположить, что в раннем пифагореизме действительно имело место разделение на два направления, то в его основе как раз могло находиться принципиальное расхождение по вопросу об образе жизни. Если акусматиков можно представить в виде сторонников деятельной жизни, основанной на строгом исполнении морально-этических пред-

писаний Пифагора и активной общественно-политической деятельности, то математики выглядят типичными приверженцами созерцательной жизни с ее акцентом на научно-философских изысканиях [8, с. 104]. На наш взгляд, данное предположение могло бы иметь право на существование, если бы не те сведения, которыми мы располагаем. Из них следует, что интерес пифагорейцев к политике не зависел от того, к какому течению они принадлежали. Политическую и научно-философскую деятельность совмещали как Пифагор, так и те, кого можно назвать видными математиками, например Архит и Филолай. Даже если бы акуматики и математики действительно существовали в раннем пифагореизме, это не могло бы отменить их общей приверженности деятельно-созерцательному образу жизни. Главное, что для всех пифагорейцев было характерно равнодушно отношение к политике.

Некоторую ценность для нашего исследования представляют IX письмо Платона Архиту и письмо Пифагора Анаксимену [9, с. 602–603; 10, с. 320]. Несмотря на подложность писем, сообщаемые в них сведения вполне могут отражать взгляды ранних пифагорейцев. От имени Платона и Пифагора авторы этих писем доказывают необходимость активного участия в государственных делах ради заботы об отечестве (πάτρα) и согражданах (πολίτης). Данные письма в контексте пифагорейской традиции дают хорошее представление о тех ценностях, которые были распространены среди участников пифагорейского сообщества. Это: активное участие в политической деятельности, полисный патриотизм, забота о согражданах. К этому следует добавить коллективистские ценности, которые для пифагорейцев играли важную роль. Одним из ярких проявлений пифагорейского коллективизма является их отношение к собственности. Многочисленные сообщения об общей собственности, совместном проживании и совместных трапезах в пифагорейском союзе демонстрируют критическое отношение пифагорейцев к индивидуалистическим ценностям [10, с. 309, 419, 421; 11, с. 36, 37, 56, 61, 70, 104]. О том, что для пифагорейцев не были пустыми такие понятия, как общественное благо и интересы государства, свидетельствует история о их возвращении в Кротон из изгнания. По сообщению Ямвлиха, во время вторжения фурийцев «пифагорейцы вышли на помощь городу и погибли, рискуя жизнью вместе с другими» [11, с. 145].

Говоря об участии ранних пифагорейцев в государственной деятельности, мы не можем обойти стороной вопрос об их политических предпочтениях. За прояснением данного вопроса обратимся к Лисиду и его прославленному воспитаннику Эпаминонду. Как известно, Лисид после разгрома пифагорейского союза в Италии был вынужден бежать и в конечном итоге оказался в Фивах. Здесь он стал наставником Эпаминонда. Примечательно, что все античные авторы, упоминающие этот эпизод, единодушно сходятся в оценке этого наставничества. Корнелий Непот пишет, что философию Эпаминонду преподавал пифагореец Лисид из Тарента, «к которому юноша привязался настолько, что ни с кем из своих сверстников не был так дружен, как с этим угрюмым и суровым стариком; отпустил он его от себя лишь после того, как далеко опередил в науке всех своих однокашников, ясно обнаружив, что так же будет превосходить всех и в прочих занятиях» [12, с. 59]. О крайне благотворном влиянии Лисида на Эпаминонда упоминает Диодор Сицилийский. Как сообщает греческий историк, пифагореец Лисид воспитал Эпаминонда «мужем, совершенным в добродетели, а тот в благодарность сделал его своим названным отцом» [13, с. 91]. При этом Диодор Сицилийский неоднократно упоминает

об интересе Эпаминонда к философии Пифагора. Подчеркивается, что Эпаминонд приобрел высокие нравственные качества благодаря пифагорейскому воспитанию и образованию: «Получив от пифагорейской философии (Πυθαγορείου φιλοσοφίας) стремление к выдержке, сдержанности и другим добродетелям, Эпаминонд стал первым не только среди фиванцев, но и среди всех своих современников» [13, с. 91]. О страсти Эпаминонда к философии и наукам сообщает Плутарх [14, с. 324; 15, с. 359]. О том, что Эпаминонд был преданным учеником Лисида и называл его отцом, упоминает также Ямвлих [11, с. 139]. Отношение Эпаминонда к Лисиду как к своему отцу может говорить о том, что он усвоил многие ценности и взгляды своего учителя.

Как мы видим, Лисид оказал огромное влияние на формирование характера и моральных качеств Эпаминонда. Но что можно сказать о влиянии Лисида на формирование политических взглядов Эпаминонда? Это справедливый вопрос, и однозначно ответить на него достаточно сложно. Дело в том, что Эпаминонд был не только горячим патриотом своего родного полиса, но и сторонником демократии. Последнее подтверждается многочисленными историческими сведениями. Эпаминонд был участником демократических преобразований в Фивах, которые последовали после государственного переворота 379 г. до н. э. и свержения олигархии. На протяжении всей своей недолгой, но яркой военно-политической карьеры Эпаминонд оставался непримиримым противником Спарты и ее союзников — аристократических и олигархических партий во всей Греции. Эпаминонд сыграл ключевую роль в основании демократических полисов — Мегалополя и Мессены. Также Эпаминонд принял участие в освобождении Фессалии от тирании Александра Ферского.

Мы полагаем, что Лисид в общении с Эпаминондом не мог не касаться различных политических вопросов. Если это так, то Лисид безусловно должен был оказать определенное влияние на политические взгляды своего ученика. Но поскольку мы не располагаем достоверными сведениями о политических предпочтениях Лисида, то напрашивается вывод о том, что именно он оказался одним из источников демократических взглядов Эпаминонда. И тогда уже сам Лисид предстает в качестве приверженца демократии. На наш взгляд, данная версия не выглядит неправдоподобной. Лисид, как и Аристотель, мог одобрять несколько видов государственного устройства, например аристократию и умеренную демократию. Также ничто не мешало Лисиду неоднозначно оценивать демократию, выделяя в ней как положительные стороны, так и отрицательные. В любом случае, версия о негативном отношении Лисида и других ранних пифагорейцев к демократии выглядит недостаточно убедительной.

В пользу данного мнения приведем еще одно рассуждение. Дело в том, что в Греции V–IV вв. до н. э. основными видами государственного устройства были демократия (δημοκρατία) и олигархия (ὀλιγαρχία). В частности, именно об этом пишет Аристотель в «Политике» [16, с. 491]. В греческих полисах классического периода повсеместно наблюдалась острая борьба между сторонниками олигархии и демократии. Господство аристократии (ἀριστοκρατία) постепенно ослабевало. Уже в VI в. до н. э. позиции аристократии серьезно пошатнулись в результате противостояния с тиранией (τυραννίς). Новые политические реалии диктовали свои условия. Именно это обстоятельство, как мы полагаем, сыграло главную роль в появлении и ши-

роком распространении такого феномена, как участие аристократов в политической борьбе на стороне демократических сил. Аристократическое происхождение имели многие вожди афинской демократии. Среди них демократический законодатель Клисфен, Фемистокл, Перикл. Даже Алкивиад, имевший тиранические наклонности, был вынужден считаться с политическими реалиями и часто выступал в качестве сторонника афинского демоса. Аристократами по происхождению были лидеры фиванской демократии — Пелопид и Эпаминонд. Влияния демократических идей и установлений не избежали и многие греческие философы. Согласно источникам, сторонниками демократии были Демокрит и Эмпедокл. Некоторые исследователи полагают, что демократические идеи отчетливо просматриваются у Горгия, Протагора и Анаксагора [17, с. 179, 207, 214].

Еще одним представителем древнего пифагореизма, политические взгляды которого могли быть демократическими, является Архит. До нас дошло немало сообщений о политической и военной деятельности Архита. И во всех них Архит удостоивается исключительно высокой и положительной оценки. Как передает Диоген Лаэртский, Архит «снискал восхищение в народе всяческой доблестью: семь раз он был стратегом Тарента, тогда как другие занимали эту должность не больше года ввиду запрета, налагаемого законом» [7, с. 447]. Как полководец Архит не знал поражений, а Тарент в это время часто воевал. Также источники сообщают, что Архит «стоял во главе италийской лиги [греческих городов]: сограждане и греки окрестных областей выбирали его стратегом-императором» [7, с. 448]. Вполне возможно, что во время военных действий Архит, обладая огромным авторитетом среди сограждан и союзников, наделялся неограниченными полномочиями.

Однако наибольший интерес для нас представляет сообщение Страбона: «Некогда тарантинцы при демократическом образе правления (δημοκρατικῶς) обладали чрезвычайным могуществом <...> Они стали последователями пифагорейской философии (Πυθαγόρειον φιλοσοφίαν), особенно же Архит, который долгое время стоял во главе Таранта» [18, с. 257]. На наш взгляд, наибольший интерес в данном фрагменте представляют два момента. Во-первых, подчеркивается демократическое устройство Тарента во время правления Архита. А во-вторых, отмечается широкое распространение пифагорейской философии среди жителей города. Сообщение о популярности пифагореизма в Таренте нас не должно удивлять, поскольку этот город наряду с Кротонем и Метапонтом традиционно был одним из его оплотов. Как известно, именно из Тарента были родом многие пифагорейцы. Но что, на первый взгляд, удивительно, так это то, что господство пифагорейцев в Таренте связывается с демократическим устройством. Что касается сведений о демократии в Таренте в V–IV вв. до н. э., то они подтверждаются Аристотелем, который в «Политике» отмечает существование в этом городе очень многочисленной группы населения — рыболовов [16, с. 495], при этом явно имея в виду то, что они являются представителями простого народа и социальной базой демократии. Также сообщается о том, что «в Таренте после поражения и гибели многих знатных в борьбе с япигами, немного спустя после Персидских войн, из политики возникла демократия» [16, с. 531]. Сообщение же Страбона вполне можно понять таким образом, что участие пифагорейцев в политической жизни Тарента не ограничивалось одним Архитом. Безусловно, он был лидером и самым авторитетным пифагорейцем в Таренте. Но с учетом сообщения Страбона и известной пифагорейской традиции

коллективного участия в политике, можно предположить, что во главе демократического Тарента стоял пифагорейский союз. И тогда можно говорить о том, что демократические взгляды имелись не только у Архита, но и у других пифагорейцев V–IV вв. до н. э.

Говоря о политической деятельности Архита, нельзя пройти мимо его высказывания о связи между математическим счетом и равенстве между богатыми и бедными. Слова Архита, сказанные им в сочинении «О математических науках», приводит Стобей: «Изобретение счета положило конец раздору, умножило согласие. С изобретением счета исчезло лихоимство, наступило равенство, ибо благодаря ему мы рассчитываемся в сделках. Благодаря ему бедные получают от состоятельных, а богатые дают нуждающимся, ибо те и другие верят, что благодаря счету получают поровну» [7, с. 457–458]. Данный фрагмент позволяет предположить, что Архит был сторонником умеренной демократии. Об этом свидетельствуют слова о материальной поддержке богатыми гражданами бедняков. В этом можно увидеть политику, направленную на снижение социальной напряженности среди граждан Тарента. Здесь следует привести рассуждение Аристотеля о том, что в демократическом государстве власть должна внимательно следить за тем, «чтобы народные массы не были в слишком бедственном имущественном положении», поскольку иначе «демократический строй становится никуда не годным» [16, с. 579]. Аристотель подчеркивает, что в целях политической стабильности в демократическом государстве богатые граждане должны делиться с бедными излишками от доходов, а также привлекать их к управлению государством. При этом Аристотель дает высокую оценку политической системе Тарента: «Все должности у них двоякого рода: одни замещаются путем выбора, другие — по жребию; по жребию — с той целью, чтобы народ имел к ним доступ, а путем выбора — для того, чтобы государство управлялось лучше» [16, с. 580]. Напрашивается вывод о том, что процветание Тарента в первой половине IV в. до н. э. было во многом связано с теми демократическими порядками, видным сторонником которых был Архит. Также обращает на себя внимание связь между философским учением пифагорейцев и их демократическими взглядами. Как известно, учение о числах играло важную роль в пифагорейской философии. Нетрудно предположить, что именно оно у Архита и, возможно, других пифагорейцев выступало в качестве теоретического основания общественно-политических взглядов. В таком случае следует признать, что представления пифагорейцев о равенстве, справедливости и демократии не были отделены от их философии и науки.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать еще несколько выводов относительно политических предпочтений ранних пифагорейцев. Как и многие другие политические мыслители Древней Греции, пифагорейцы были противниками анархии. Стобей и Ямвлих сообщают, что пифагорейцы думали, «что нет большего зла, чем анархия (αναρχία), так как человек по своей природе не может спастись, если никто им не руководит» [7, с. 494; 11, с. 107–108]. При этом и противоположность анархии — тирания (τυραννίς) не вызывала у них одобрения. Это следует из сообщения Стобея о том, что, согласно пифагорейцам, «правители должны быть не только знающими, но и человеколюбивыми, а подчиненные не только покладистыми, но и любящими правителей» [7, с. 494]. Кроме этого, о нетерпимости Пифагора к тирании сообщают Порфирий и Ямвлих [10, с. 417; 11,

с. 123]. Анархия и тирания представляют собой крайние формы общественного устройства, максимально далекие от представлений пифагорейцев о справедливости и благозаконии.

В политических взглядах пифагорейцев просматривается стремление к политической умеренности и стабильности. Подтверждением этого может служить одно из главных правил Пифагора: «Любым способом следует избегать и отсекаать огнем, железом и всеми другими средствами <...> от всего в целом — неумеренность (ἀμετρίαν)» [11, с. 38; 10, с. 419]. Что касается стремления пифагорейцев к политической стабильности, то оно также находит подтверждение в источниках. Сообщается, что пифагорейцы «считали правильным сохранять верность отеческим нравам и обычаям (πάτρια ἔθιμα καὶ τοὺς νόμους), даже если они были в чем-то хуже других» [11, с. 108; 7, с. 494]. По их мнению, «никоим образом не может быть полезным или спасительным, если с легкостью отвергнуть существующие законы ради собственных нововведений» [11, с. 108; 7, с. 494]. Как мы видим, одним из условий политической стабильности для пифагорейцев было сохранение законов. Высказывания о необходимости их соблюдения можно встретить в разных источниках [11, с. 42; 7, с. 423]. Другим условием сохранения политической стабильности было подчинение властям: «Никогда не будет порядка ни в доме, ни в государстве, если они не признают добровольно начальство истинного повелителя и руководящую власть и господство. Власть возникает при желании обеих сторон, равно правителя и подчиненного. Итак, Пифагор считал правильным повиновение властителям» [11, с. 111]. На основании этого можно предположить, что ради политической стабильности пифагорейцы были готовы примириться с несовершенными законами и правителями. Это не означает, что пифагорейцы были готовы терпеть откровенное насилие и несправедливость со стороны властей. Это означает то, что страшнее всего для пифагорейцев было оказаться во власти беззакония.

В условиях ожесточенной социально-политической борьбы, захлестнувшей греческие полисы в VI–IV вв. до н. э., ценность политической стабильности должна была быть очень высокой в глазах многих философов, в том числе и пифагорейцев. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет предпочтение пифагорейцами умеренных видов государственного устройства. Не стоит забывать о том, что пифагорейцы были решительными противниками любой неумеренности и неумеренности. Согласно их мнению, «особенно заметны напрасные, пагубные, бесполезные и дерзкие стремления, исходящие от людей, находящихся у власти» [11, с. 120]. Очевидно, что для пифагорейцев существовала неразрывная связь между моральными качествами правителей и общим состоянием государства. Как показала практика, наибольшей политической устойчивостью обладали полисы с умеренным демократическим и олигархическим устройством. Ярким примером умеренной демократии являются Афины во времена правления Перикла. И, судя по всему, похожее устройство было в Таренте при Архите.

В обоих полисах было демократическое устройство, но правление находилось в руках одного человека. Перикл занимал должность стратега пятнадцать лет подряд, Архит — семь лет подряд. Оба руководителя проводили активную внешнюю политику и одержали большое количество военных побед. Оба полиса в период правления своих лидеров достигли наивысшего могущества, после которого последовало постепенное ослабление и упадок. Афины проиграли в Пелопонесской

войне, в дальнейшем с переменным успехом продолжали бороться за гегемонию в Греции и в конечном итоге потерпели поражение от Македонии. При этом военно-политическое ослабление Афин во многом было связано с радикализацией афинской демократии. Похожую судьбу повторил Тарент. По сообщению Страбона, после правления Архита «управление городом ухудшилось» [18, с. 257–258]. Тарент оказался во власти дурных порядков, и жители города все активнее стали приглашать иноземных полководцев. Как сообщает Плутарх, именно сторонники народной партии были инициаторами приглашения в Тарент Пирра. В результате «бесчестная дерзость вожаков народа» обернулась поражением Тарента в войне с Римом [19, с. 47]. История Афин и Тарента показывает, что наивысшей точкой в развитии крупных полисов был период, связанный с правлением в них сторонников умеренных политических взглядов.

Это означает, что пифагорейцы не являлись теми ограниченными сторонниками аристократии, какими их часто представляют. Можно сказать, что политические взгляды ранних пифагорейцев обладали определенной гибкостью. Участвуя в государственных делах, пифагорейцы отталкивались от той реальности, которая их окружала. А эта реальность, как нам известно из истории Греции VI–IV вв. до н. э., постоянно менялась. Нам представляется маловероятным стремление пифагорейцев любой ценой сохранить аристократические установления. Главный интерес пифагорейцев, на наш взгляд, заключался в поддержании законности и порядка. Стремление к политической стабильности должно было подталкивать пифагорейцев к сохранению и укреплению любого умеренного политического строя. Это могла быть аристократия в Кротоне или демократия в Таренте. Для ранних пифагорейцев главный вопрос заключался не столько в политическом строе государства, сколько в степени разумности его законов и правителей. Отталкиваясь от последнего, пифагорейцы и ориентировались в своих политических взглядах и практиках. Это принесло свои плоды, поскольку за пифагорейцами на века закрепились репутация успешных общественно-политических деятелей.

О тенденции к демократии в философии ранних пифагорейцев может свидетельствовать их представление о равенстве. Дело в том, что это понятие занимало одно из важнейших мест в пифагорейской философии. Понятие равенства в текстах, посвященных пифагорейцам, встречается регулярно и, как правило, в связи с упоминанием о дружбе и справедливости. Насколько можно понять, принцип равенства лежал в основе многих моральных, политических, научно-философских представлений пифагорейцев. Это хорошо видно из сообщения Порфирия о Пифагоре, согласно которому «из двух противодействующих сил лучшую он называл <...> равенством (ἴσο) <...>; а худшую — <...> неравенством (ἀνίσο)» [10, с. 422]. Пифагорейское изречение «дружба есть равенство (φιλίαν ἰσότητα)» неоднократно встречается в источниках [10, с. 309, 421]. По сообщению Ямвлиха, в пифагорейском союзе царил дух совместной жизни и равенства [11, с. 60]. Принцип равенства у пифагорейцев был неотделим от их представлений о справедливости. Здесь можно привести сообщение об одном из знаков Пифагора: «Через весы не переступить — значит, равенства и справедливости (ἴσον καὶ δίκαιον) не преступать» [10, с. 311]. Ямвлих передает, что, по мнению Пифагора, «основа справедливости — общность и равенство (ἀρχὴ τοῦνυν ἐστὶ δίκαιοσύνης μὲν τὸ κοινὸν καὶ ἴσον)» [11, с. 104]. Кроме этого, согласно Аристотелю, пифагорейцы соотносили понятия некоторых ве-

щей с числами. При этом справедливость они связывали с «квадратным числом», которое символизировало равенство [7, с. 469]. Мнение пифагорейцев приводит Александр Афродисийский: «Полагая отличительным признаком справедливости (δικαιοσύνης) эквивалентность (τὸ ἀντιπελονθός) и равенство (ἴσον) и находя это свойство в числах, они определяли справедливость как первое квадратное число (букв. «равностно равное число»)» [7, с. 468]. В пользу версии о демократических устремлениях ранних пифагорейцев говорит то, что понятие равенства в политической культуре Древней Греции традиционно было связано с демократическими порядками. Аристотель в «Политике» и Платон в «Государстве» неоднократно подчеркивают, что отличительной чертой демократии является равенство (ἰσότης) всех граждан перед законом [16, с. 496, 472; 20, с. 406].

Мы не исключаем, что представление пифагорейцев о связи между справедливостью, дружбой и равенством вполне могло быть некоторым проявлением демократической ориентации. Это не означает, что в философии древних пифагорейцев была только одна тенденция. Элитарный характер пифагорейского учения не оставляет сомнений в равнодушном отношении его сторонников к аристократическим ценностям. Одним из важнейших свидетельств приверженности пифагорейского союза аристократии остается сообщение Диогена Лаэртского. Согласно доксографу, в Кротоне Пифагор «написал законы для италийцев и достиг у них великого почета вместе со своими учениками, числом до трехсот, которые вели государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия (ἀριστοκρατίαν), что значит “владычество лучших”» [10, с. 307–308]. Аристократическую тенденцию можно обнаружить в ряде высказываний Пифагора, касающихся отношения к толпе и народным массам. Как передает Климент Александрийский, символическое изречение Пифагора «По большим дорогам не ходи» предписывает не следовать мнениям толпы, вздорным и произвольным» [21, с. 164]. Согласно Порфирию, Пифагор заповедовал «избегать также и многолюдных сборищ» [10, с. 421]. Как правило, подобные изречения Пифагора трактуются в морально-этическом ключе. Тот же Климент Александрийский полагает, что предписание Пифагора не следовать мнениям толпы означает неприятие порочных желаний и страстей. Однако мы полагаем, что данные высказывания Пифагора могут иметь и вполне определенный политический смысл. Понятия народных масс и толпы в истории Древней Греции традиционно ассоциировались с демократией. Демос был той политической силой, которая противостояла аристократии и олигархии. Для торгово-ремесленных кругов и городской бедноты, составлявших социальную базу демократии, центром притяжения выступала агора — рыночная площадь. В этом многолюдном месте проходили народные собрания, где сталкивались различные мнения и кипела политическая борьба. В высказываниях Пифагора о многолюдных сборищах и мнениях толпы явно просматривается негативное отношение к практикам, характерным для демократического строя. У Пифагора с его проповедями о единомыслии граждан и всеобщей дружбе демократические практики должны были вызывать как минимум глубокую озабоченность.

Аристократическая тенденция проявилась в представлениях ранних пифагорейцев о добродетели (ἀρετή). Все основные авторы, писавшие о Пифагоре и пифагорейцах, отмечают их благородные и высокие моральные принципы. Пифагору и его последователям приписываются многочисленные добродетели. Но наше

внимание привлекают те добродетели, которые были тесно связаны с общественно-политической деятельностью. Эти добродетели в Древней Греции традиционно ассоциировались с аристократией. Именно ее представители были главными носителями таких добродетелей, как честь, бескорыстное служение отечеству, справедливость, правдивость, верность слову. Источники изобилуют примерами добродетельного поведения ранних пифагорейцев. Из этих историй следует, что пифагорейцы были сторонниками представления о высоких моральных принципах в политической деятельности. Разумеется, следует понимать, что большинство источников по пифагорейской философии носит ярко выраженный апологетический характер. Однако это не отменяет того, что в случае с пифагорейцами мы имеем дело с приверженцами аристократических добродетелей.

Завершая рассмотрение вопроса о политических предпочтениях ранних пифагорейцев, следует коснуться их отношения к олигархии (ὀλιγαρχία). Из тех источников, которыми мы располагаем, следует, что пифагорейцы скорее негативно относились к олигархическому государственному устройству. Прояснить позицию пифагорейцев помогает следующий фрагмент: «Поскольку высокомерие, роскошь (τρυφή) и презрение к законам (νόμων ὑπεροψία) часто приводят к несправедливости (ἀδικίαν), Пифагор каждый день призывал помогать закону и воевать с беззаконием. Поэтому он установил такую последовательность: первым из зол (κακῶν) проникает в дома и города роскошь (τρυφή), вторым — высокомерие, третьим — погибель. Поэтому он призывал всячески противодействовать роскоши и отвергать ее» [11, с. 106]. Пифагор видел в роскоши, богатстве и собственности источник порчи нравов. Поэтому его программа была направлена на искоренение любой возможности для личного обогащения. Как нам известно, данная цель в пифагорейском союзе достигалась путем обобществления имущества его членов. Подобные взгляды и практика свидетельствуют об отсутствии тенденции к олигархии в пифагорейской философии.

Подведем итоги. Как мы установили, в философии ранних пифагорейцев заметно проявились такие ценности, как политическая активность, коллективизм, полисный патриотизм, приверженность высоким моральным принципам в политике. Слабое проявление индивидуалистических ценностей у ранних пифагорейцев свидетельствует о существовании в их мировоззрении неразрывной связи между полисом и гражданином. В пифагорейском образе жизни во многом отразились те ценности, которые господствовали в греческом обществе и были связаны с расцветом полисной системы в VI–IV вв. до н.э. Стремление ранних пифагорейцев к политической стабильности и умеренности отражало их опасения по поводу разрушительных последствий анархии и тирании. Как мы показали, страх перед беззаконием привел Пифагора и его последователей к представлению о безусловной значимости политической лояльности. Также было установлено, что в политических предпочтениях ранних пифагорейцев проявились две тенденции — аристократическая и демократическая. Аристократическая тенденция была связана с элитарным характером пифагорейского учения, приверженностью аристократическим добродетелям и недоверием к демократическим практикам. Демократическая тенденция заключалась в представлении ранних пифагорейцев о равенстве как основе законов, справедливости и дружбы. Как мы показали, изменения в соотношении данных тенденций в пифагореизме также были обусловлены социально-историче-

ским развитием Греции в периоды поздней архаики и классики. Преобладание аристократической тенденции у Пифагора и его учеников было связано с господством аристократии в греческих полисах VI в. до н.э. Усиление демократической тенденции во взглядах Архита и, возможно, Лисида было обусловлено бурным развитием демократии в V–IV вв. до н.э.

Литература

1. Zeller, E. (1881), *A History of Greek Philosophy from the Earliest Period to the Time of Socrates*, in 2 vols, vol. 1, London: Longmans, Green, and Co.
2. Гатри, У.К. Ч. (2015), *История греческой философии*, в 6 т., т. I: Ранние досократики и пифагорейцы, пер. Жмудь, Л. Я., СПб.: Владимир Даль.
3. Riedweg, C. (2005), *Pythagoras: His Life, Teaching, and Influence*, Ithaca and London: Cornell University Press.
4. Burkert, W. (1972), *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
5. Жмудь, Л. Я. (2012), *Пифагор и ранние пифагорейцы*, М.: Русский Фонд содействия образованию и науке.
6. Gorman, P. (1979), *Pythagoras: A Life*, London, Henley: Routledge; Boston: Kegan Paul.
7. Лебедев, А. В. (1989), *Фрагменты ранних греческих философов, ч. 1. От эпических теокосмогий до возникновения атомистики*, М.: Наука.
8. Афонасин, Е. В. (2003), *Век энциклопедистов: процесс накопления и сохранения знаний и методы цитирования в поздней античности*, Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т.
9. Платон (2007), Письма, пер. Кондратьев, С. П. в: Платон, *Сочинения*: в 4 т., т. 3, ч. 2, ред. Лосев, А. Ф. и Асмус, В. Ф., СПб.: С.-Петербург. ун-т, Изд-во Олега Абышко, с. 543–610.
10. Диоген Лаэртский (1986), *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, 2-е изд., пер. Гаспаров, М. Л., ред. Лосев, А. Ф., М.: Мысль.
11. Ямвлих (2002), *О Пифагоровой жизни*, пер. Мельникова, И. Ю., М.: Алетейя.
12. Корнелий Непот (1992), *О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках*, пер. Трухина, Н. Н., М.: Изд-во МГУ.
13. Диодор Сицилийский (2012), *Историческая библиотека. Книги VIII–X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей*, пер. Цыбенко, О. П., СПб.: Алетейя.
14. Плутарх (1963), Агесилай, пер. Лампсаков, К. П. в: Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, в 3 т., т. 2, ред. Грабарь-Пассек, М. Е. и Маркиш, С. П., М.: Академия наук СССР, с. 304–333.
15. Плутарх (1961), Пелопид, пер. Маркиш, С. П. в: Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, в 3 т., т. 1, ред. Маркиш, С. П. и Соболевский, С. И., М.: Академия наук СССР, с. 357–382.
16. Аристотель (1983), *Политика*, пер. Жебелев, С. А. в: Аристотель, *Сочинения*: в 4 т., т. 4, ред. Доватур, А. И., М.: Мысль, с. 375–644.
17. Бергер, А. К. (1966), *Политическая мысль древнегреческой демократии*, М.: Наука.
18. Страбон (1964), *География*, пер. Стратановский, Г. А., ред. Утченко, С. Л., Л.: Наука.
19. Плутарх (1963), Пирр, пер. Ошеров, С. А. в: Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, в 3 т., т. 2, ред. Грабарь-Пассек, М. Е. и Маркиш, С. П., М.: Академия наук СССР, с. 38–65.
20. Платон (2007), *Государство*, пер. Егунов, А. Н. в: Платон, *Сочинения*: в 4 т., т. 3, ч. 1, ред. Лосев, А. Ф. и Асмус, В. Ф., СПб.: С.-Петербург. ун-т, Изд-во Олега Абышко, с. 97–493.
21. Климент Александрийский (2003), *Строматы*, т. 2. (Книги 4–5), пер. Афонасин, Е. В., СПб.: Изд-во Олега Абышко.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 26 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Бровкин Владимир Викторович — канд. филос. наук, науч. сотр.; vbrovkin1980@gmail.com

The Early Pythagoreans and the Political Development of Greece in the 6th–4th Centuries BCE*

V. V. Brovkin

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, ul. Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russian Federation
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

For citation: Brovkin V. V. The Early Pythagoreans and the Political Development of Greece in the 6th–4th Centuries BCE. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 2, pp. 280–293. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.209> (In Russian)

The paper deals with the question of the socio-historical conditionality of the political ideas of the early Pythagoreans. It is established that the philosophy of the early Pythagoreans reflected such traditional values of the polis as political activity, patriotism, collectivism. The weak manifestation of individualism among the Pythagoreans testifies to the existence in their worldview of an indissoluble connection between the polis and the citizen. The political ideas and way of life of the Pythagoreans were conditioned by the flourishing of the polis system in the 6th–4th centuries BCE. The desire of the Pythagoreans for political stability and moderation was associated with the idea of a great danger emanating from anarchy and tyranny. The fear of lawlessness contributed to the formation of Pythagoras and his followers' idea of the importance of political loyalty. It was also found that in the political preferences of the early Pythagoreans manifested two tendencies — aristocratic and democratic. The aristocratic tendency manifested itself in the elitist nature of Pythagorean teaching, in adherence to aristocratic virtues and distrust of democratic practices. The democratic tendency was associated with the early Pythagoreans' idea of equality as the basis of laws, justice and friendship. It was shown that the changes in the correlation of these tendencies in Pythagoreanism were also conditioned to the socio-historical development of Greece in the late archaic and classical periods. The predominance of the aristocratic tendency among Pythagoras and his disciples was associated with the dominance of the aristocracy in the Greek poleis of the 6th century BCE. The strengthening of the democratic tendency in the views of Archytas and, possibly, Lysis was due to the rapid development of democracy in the 5th–4th centuries BCE.

Keywords: Early Pythagoreans, Pythagoras, Lysis, Archytas, politics, democratic tendency, aristocratic tendency, values of the polis.

References

1. Zeller, E. (1881), *A History of Greek Philosophy from the Earliest Period to the Time of Socrates*, in 2 vols, vol. 1, London: Longmans, Green, and Co.
2. Guthrie, W. K. C. (2015), *A History of Greek Philosophy*, vol. I: *The Earlier Presocratics and the Pythagoreans*, transl. by Zhmud', L. Ja., Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
3. Riedweg, C. (2005), *Pythagoras: His Life, Teaching, and Influence*, Ithaca and London: Cornell University Press.
4. Burkert, W. (1972), *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
5. Zhmud', L. Ja. (2012), *Pythagoras and the Early Pythagoreans*, Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke Publ. (In Russian)
6. Gorman, P. (1979), *Pythagoras: A Life*, London, Henley: Routledge; Boston: Kegan Paul.

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-00025 “Ancient Mystery Cults and Greek Philosophy: Orphica, the Pythagoreanism, Hermetica, Platonism”.

7. Lebedev, A. V. (1989), *The Fragments of the Early Greek Philosophers, Pt. 1: From the Epic Theocosmogonies to the Birth of the Atomistics*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
8. Afonasin, E. V. (2003), *The Age of Encyclopedists: the process of accumulation and preservation of knowledge and methods of citation in late Antiquity*, Novosibirsk: NSU Publ. (In Russian)
9. Plato (2007), *Epistolae*, transl. by Kondrat'ev, S. P., in: Plato, *Writings*, in 4 vols, vol. 3, p. 2, ed. by Losev, A. F., Asmus, V. F., St Petersburg: St. Petersburg University Press, Oleg Abyshko Publ., pp. 543–610. (In Russian)
10. Diogenes Laertius (1986), *Vitae Philosophorum*, transl. by Gasparov, M. L., 2nd ed., ed. by Losev, A. F., Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
11. Iamblichus (2002), *De vita pythagorica*, transl. by Mel'nikova, I. Ju., Moscow: Aleteiia Publ. (In Russian)
12. Cornelius Nepos (1992), *Excellentium imperatorum vitae*, transl. by Truhina, N. N., Moscow: MGU Publ. (In Russian)
13. Diodorus Siculus (2012), *Bibliotheca historica*, transl. by Cybenko, O. P., St Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
14. Plutarch (1963), Agesilaos, transl. by Lampsakov, K. P., in: Plutarch, *Parallel Lives*, in 3 vols, vol. 2, ed. by Grabar'-Passek, M. E. and Markish, S. P., Moscow: Akademiia nauk SSSR Publ, pp. 304–333. (In Russian)
15. Plutarch (1961), Pelopidas, transl. by Markish, S. P., in: Plutarch, *Parallel Lives*, in 3 vols, vol. 1, ed. by Markish, S. P. and Sobolevski, S. I., Moscow: Akademiia nauk SSSR Publ, pp. 357–382. (In Russian)
16. Aristotle (1983), *Politica*, transl. by Zhebelev, S. A., in: Aristotle, *Writings*, in 4 vols, vol. 4, ed. by Dovatur, A. I., Moscow: Mysl' Publ., pp. 375–644. (In Russian)
17. Berger, A. K. (1966), *Political Thought of Ancient Greek Democracy*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
18. Strabo (1964), *Geographica*, transl. by Stratanovskii, G. A., ed. by Utchenko, S. L., Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
19. Plutarch (1963), Pyrrhos, transl. by Osherov, S. A., in: Plutarch, *Parallel Lives*, in 3 vols, vol. 2, ed. by Grabar'-Passek, M. E. and Markish, S. P., Moscow: Akademiia nauk SSSR Publ, pp. 38–65. (In Russian)
20. Plato (2007), *De Republica*, transl. by Egunov, A. N., in: Plato, *Writings*, in 4 vols, vol. 3, p. 1, ed. by Losev, A. F. and Asmus, V. F., St Petersburg: St. Petersburg University Press, Oleg Abyshko Publ., pp. 97–493. (In Russian)
21. Clement of Alexandria (2003), *The Stromata*, vol. 2, transl. by Afonasin, E. V., St Petersburg: Oleg Abyshko Publ. (In Russian)

Received: July 8, 2023
Accepted: April 26, 2024

Author's information:

Vladimir V. Brovkin — PhD in Philosophy, Research Fellow; vbrovkin1980@gmail.com